

14-00000
20000

11 1979

1

0

2

TY-19-241-77

7

4

студия
ДИАФОН

03—2—072

Писатель
горечи
и гнева

/М.Е. Салтыков-Щедрин/

Село Спас-Угол.
Дом Салтыковых,
где родился писатель.

Петербург.
Военное министерство.

В апреле 1878 года
Михаил Евграфович
Салтыков - Щедрин
по просьбе одного
из издательств на-
писал автобиогра-
фию. В ней он до-
вольно обстоятельно
рассказал о своем по-
шехонском детстве,
воспитании в семье
и в «заведениях»,
работе в военном
министерстве и,

ОТДѢЛЕНІЕ
ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

ПОСЫЛКОВОЙ

Дом в Вятке,
в котором жил М. Е. Салтыков.

наконец, о поездке в сопровождении жандарма на службу в Вятку. В повести «Запутанное дело» был обнаружен «вредный образ мыслей». В 1848 году крамольного автора арестовывают и вскоре отправляют на обязательную службу в Вятку под надзор полиции.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1856

АВГУСТЪ. КНИЖКА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНІЕ

I. — О ПРОИСХОЖДЕНІИ АНТРАЦИТА И
КАМЕННОГО УГЛЯ.	Г. Е. ЩУРОВСКАГО.
II. — ЖИЗНЬ ЖОРЖЪ-САНДА.	ЕВГЕНИИ ТУРЪ
III. — ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. — I. Внѣсто воо-
дѣнія. — II. Промысла времена (Разказъ
подальшого). — III. Ветухиные — V. Промысла
времена. (Другой разказъ).	И. ЖЕЛІЗНА
И Г. Я. КУГУШКИНА.
IV. — П. Я. П. Погода. Часть первая.	
V. — СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СОСТОЯ-
НІЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ — (въ
сподобствіи статистика Смоленской
губерніи, составленна Яковомъ Соловье-
вымъ).	С. С. ИВАНОВА
И С. КУРОЧКИНА.
VI. — ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ. (Изъ Беранже).	
VII. — СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ (см. на оборотѣ).	

МОСКВА.

Издатель Т. Волковъ и Кош.

Свое жизнеописание он обрывает 1856 годом, когда журнал «Русский вестник» начал печатать «Губернские очерки». Далее—просто перечень написанных книг. Ни имен, ни особо памятных жизненных событий и фактов. Одни книги. В них—вся жизнь Салтыкова-Щедрина.

В 1856 году почти никому не известное в литературном мире имя Салтыкова сделалось популярным. К нему прибавилось другое, короткое и ехидное, — Щедрин. Под этим псевдонимом появились в печати «Губернские очерки».

М. Е. Салтыков.
1850-е годы.

„...Нигде... русская правда жизни не была так ослепительно ярко освещена... Порка... узаконенный грабеж... бесшабашный произвол — все испытанные орудия самодержавного строя безотрадно вскрыты были на страницах... этого взрывчатого снаряда, скрывшегося под скромным заглавием „Губернские очерки“.

„Губернские очерки“.
Горехвастов.

Порфирий Петрович.
Рис. М. Башилова. 1868 г.

«Губернские очерки» завершаются сценой похорон «прошлых времен». Однако герои Щедрина не собирались умирать без сопротивления. «Умрем, но напакостим» — таков их девиз. И это хорошо понимает крупный царский чиновник Салтыков.

Последний взяточник.
Рисунок Г. Михайлова.
1859 г.

После возвращения из Вятки— служба в министерстве внутренних дел. Затем он— вице-губернатор, сначала в Рязани, потом в Твери. Служит писатель не один год, служит сознательно, на первых порах с живейшей заинтересованностью. Он считает полезным сотрудничество с теми, в чьих руках «хранится судьба России».

Рязань. Присутственные места.

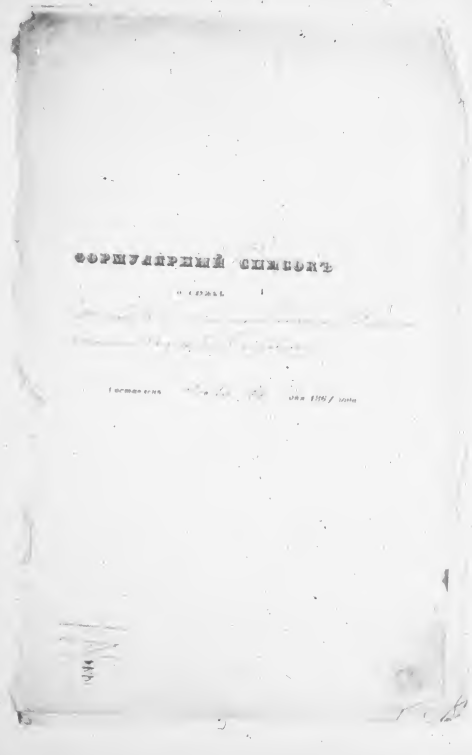
Тверь.

То было своеобразное подполье в бюрократическом тылу. Здесь в изобилии встречались влиятельные лица, многие из которых не прочь были облачиться в либеральную мантию. На этих «слабых струнах» и следовало играть.

Карикатура на политику Александра II и представителей либеральной бюрократии.

Запрещенная цензурой
карикатура на Александра II.
Начало 1860-х годов.

Понадобилось немного времени, чтобы почти бесследно исчез административный энтузиазм Салтыкова, и в 1862 году он подает в отставку, решив полностью посвятить себя творчеству.

Послужной список
тверского вице-губер-
натора, коллежского
советника М. Е. Сал-
тыкова.

В 1861 году умер Добролюбов. В июне 1862 года, через полтора года после опубликования манифеста об освобождении крестьян, власти заключают в Петропавловскую крепость Чернышевского. На восемь месяцев закрыты демократические журналы «Современник» и «Русское слово».

Когда издание «Современника» возобновилось, Салтыков-Щедрин, переехавший в Петербург, сближается с Н. А. Некрасовым и входит в состав редакции журнала. С декабря 1862 года по ноябрь 1864 года писатель активно сотрудничает в «Современнике». Обезглавленный «крамольный» журнал обретает могучую поддержку.

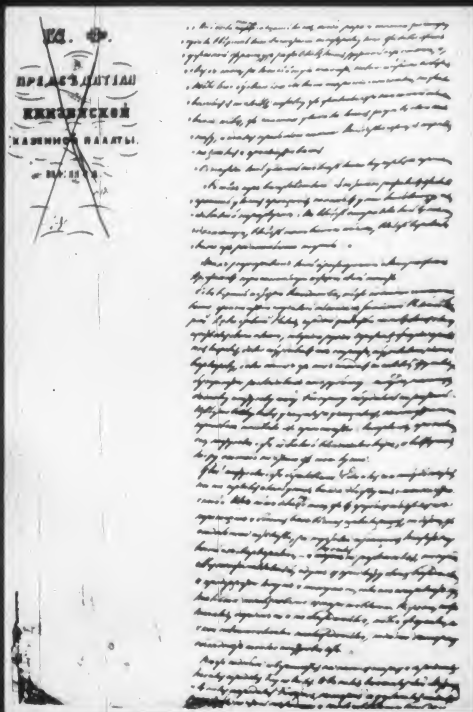

Провинция.
Акварель
М. Добужинского.
1907 г.

Мужество сатирика бесспорно: ведь было это в пору, когда реакционно настроенный публицист и журналист М. Н. Катков мог во всеуслышание заявить: «Мы не откажемся от своей доли полицейских обязанностей в литературе». Полицейская будка превратилась в символ всего официального и благонамеренного на Руси.

В сатирике поднималось
 «чувство гадливости»,
 когда он видел, как
 „роль будочника добро-
 вольно берет на себя
 человек, которого ни-
 кто не заставляет
 быть будочником, и ко-
 гда этот мрачный бу-
 дочник-самозванец до
 того входит в свою
 роль, что сам себя
 приковывает к своей
 будке, сам по этому
 случаю приходит в
 озлобление и начинает
 высовывать язык все-
 му, что не приурочило
 себя к будке...”

Рукопись
 запрещенного в 1862 г.
 очерка
 „Глуховское распутство”.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ОУСТАНОВИТЕЛЬ

В. А. ПУШКОВЪ

ТОМЪ XLIV

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРЛА ПАВЛОВА

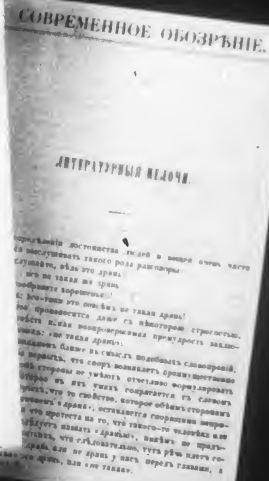
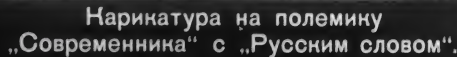
1863

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Всплески. Благосклонные и несправедливые. — Случайный взор. — Мельница. — Современная демократия. — Провосхождение и причины его.

Предполагая помещать въ «Современникъ» періодическія очерки о ходѣ нашей общественной жизни, мы считаемъ не лишнимъ рѣдварять читателей, что насъ будетъ занимать не петербургская общественная жизнь съ ея огорченіями и увеселеніями, съ ея мѣропріятіями и мѣропрятіями, но общій характеръ русской общественной жизни въ ея постепенномъ и историческомъ стремленіи къ идеалу. Въ этомъ случаѣ насъ руководитъ соображеніе, что петербургскимъ читателямъ нашимъ всѣ увеселенія и мѣропріятія первой Пальмиры извѣстны лучше, нежели намъ самимъ, по тѣмъ таблеткамъ, которыя онѣ оказываютъ на нашъ бокъ; что же касается до читателей провинціальныхъ, то ему рѣшительно все равно, чѣмъ увеселяется и что извергаетъ изъ себя Петербургъ. Читатель провинціальный живетъ совершенно иною жизнью; она распадается въ глазахъ его на мелочныя подробности, но составляется въ одномъ общемъ фокусѣ, доходить до слуха, какъ общій гулъ, въ которомъ онъ стремится уловить подступающую ноту. Въ этой-то именно нотѣ онъ и ищетъ общаго, дѣйствительнаго жизненнаго установка. Какое ему до того, напримеръ, что такого-то числа Петербургъ былъ ставленъ прибытіемъ композитора Верди, который самъ о дирижировалъ оркестромъ во время представленія новой

В 1863—1864 годах в творчестве писателя злободневная публицистика выдвигается на первый план. Из номера в номер печатается в «Современнике» ежемесячная хроника «Наша общественная жизнь».

Публицисты «Современника»—Антонович, Елисеев, Жуковский—претендовали на руководящую роль, считая себя наиболее последовательными продолжателями традиций Чернышевского и Добролюбова. К Салтыкову-Щедрину они относились настороженно, грубо вмешивались в его литературную работу.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВЕМЫЙ

В. А. ПЕРВООБРАЗОВЪ

ТОМЪ СІИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ НАРЛА ВЪЛЪФЪ

1864

Тула.

Атмосфера в редакции сгущалась все больше и больше, цензура свирепствовала. В 1864 году Салтыков-Щедрин вышел из состава редакции «Современника» и вновь вернулся на службу. На свою работу в Пензе, затем в Туле и, наконец, снова в Рязани он смотрел, как на своеобразную добровольную ссылку. Принял же ее исключительно по соображениям материальным.

14 июня 1868 года действительный статский советник Салтыков ушел в отставку. По табели о рангах действительные статские советники относились к IV классу, генеральскому. Странный это был «генерал», всю силу своего таланта отдававший сокрушению самодержавного режима!

2011
Так окончилась карьера самого необычного на Руси чиновника. С сентября 1868 года писатель становится активнейшим сотрудником и членом редакции «Отече-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1884

№ 4 АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Пастырева, д. № 3).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ственных записок», журнала, который Н. А. Некрасов арендовал у известного издателя А. А. Краевского вскоре после запрещения «Современника».

Салтыков-Щедрин целиком уходит в писательство и редакторскую работу. *„Был он писатель в большей мере, чем все другие писатели, — позднее заметил В. Г. Короленко. — У всех, кроме писательства, есть еще личная жизнь... О жизни Щедрина за последние годы мы знаем лишь то, что он писал. Да едва ли и было, что узнавать: он жил в „Отечественных записках“...“.*

В 1869 году в «Отечественных записках» Салтыков печатает «Историю одного города». И вскоре город Глупов стал одним из самых известных городов. За Глуповым отчетливо вставляли контуры всего Российского государства. Впрочем, Глупов—это и была вся Россия, с горестями, уродствами, со всеми ее властвующими паразитами, порядком поглупевшими обывателями, с ее питающимся лебедой мужиком.

«Жизнеописание»
глуповских градо-
начальников от-
крывает Бруда-
стый. В голове
градоначальника
вместо мозга дей-
ствует орган-
ный механизм, наигры-
вающий всего-на-
всего два слова-
окрика: «не потерпе-
лю!» и «раззорю!».

Отводя упреки в преувеличении, в иска-
жении действительности, Салтыков резонно замечал, что

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВЪ

ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ВЪ ГОРОДЪ ГЛУПОВЪ ОТЪ
ВЫШНЯГО НАЧАЛЬСТВА ПОСТАВЛЕННЫХЪ

(1751 — 1826 ГОДЪ СМЕРТИ И 1826 — 1878 ГЛАГОЛЮЩЕГО)

ПОРТРЕТЫ ИСКЛЮЧЕНЫ КЪ ПОЖИВАНИЮ
БАЯНОМЪ А. А. РАДАКОНАМЪ ПРЕМИИ А. Е. ЯКОСТВАМЪ

ГЛАВНАЯ ПРЕМИЯ ЖУРНАЛА
„СТРЕКОЗА“ ЗА 1907 ГОДЪ

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „СТРЕКОЗА“
В. М. КОТЧЕНКОМЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТЕРСКОГО ПУТИ 11
1908

«если б, вместо слова «Органчик», было поставлено слово «Дурак», то рецензент, наверное, не нашел бы ничего неестественного... Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: «не потерплю» и «раззорю!», а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

ПО ПОДЛИННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ ИЗДАТЬ

М. Е. САЛТЫКОВЪ (Щедринъ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪСТАНОВЛЕНА. № 11—2
1879

Вся история города Глупова наполнена язвительными историческими намеками и аналогиями. В сказании о шести градоначальницах угадываются нравы времен царствования Екатерины I, Анны Леопольдовны, Елизаветы и Екатерины II.

Но Салтыков писал сатиру не на историю. Его многочисленные гиперболические картины изображали современную политическую жизнь. Каждая фраза в этих сценах — преувеличение, каждое слово — неве-

роятность. Но именно это скопище мрачно-фантастических штрихов передавало зловещий колорит жизни страны.

Завершает галерею глуповских градоначальников грандиозная фигура Угрюм-Бурчева. В нем слились и бездумный автоматизм Органчика, и карательная неуклонность Фер-

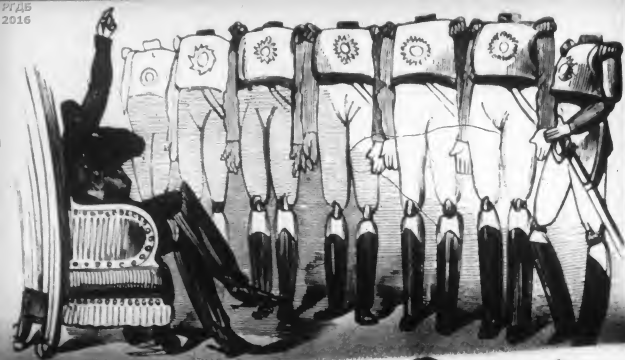
дыщенки, и административный педантизм Двоекурова, и жестокая въедливость Бородавкина. Все эти начальственные качества соединились и переплавились в Угрюм-Бурчеве.

„Он был ужасен; но, сверх того, он был краток и с изумительной ограниченностью соединял непреклонность, почти граничившую с идиотством“. Действовал он с регулярностью механизма. Он не признавал ни разума, ни страстей, ни школ, ни грамотности, допускал только науку чисел, преподаваемую по пальцам.

Угрюм-Бурчеев мечтал весь мир превратить в казарму, всех заставить маршировать по одной линии, все население разделить на взводы, роты, полки, отдав их под строжайшее наблюдение командиров и шпионов, во всем навести единообразие форм—в постройке помещений, в одежде, в поведении, в работе.

Николай I
и его
министры.
Г. Дорé.
1854 г.

Плакат. 1941 г.

В казарменном идеале Угрюм-Бурчеева заметны черты наиболее реакционных деспотических режимов многих эпох. Дело отнюдь не ограничивается аракчевщиной или Николаем I.

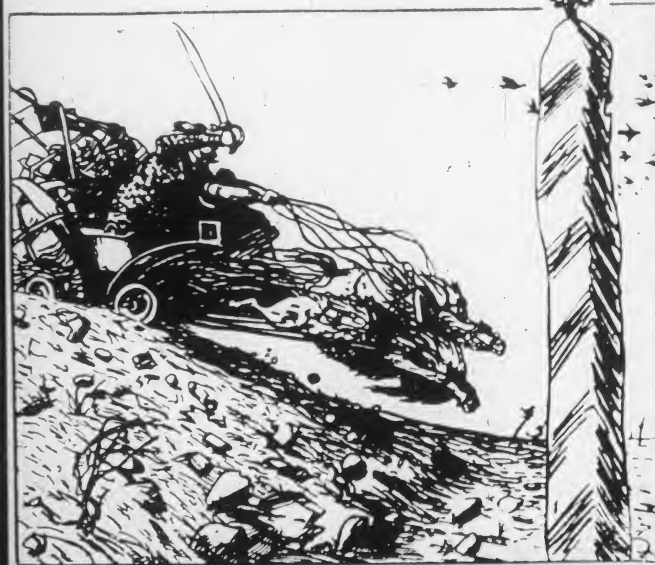
Салтыков-Щедрин метил и во французский бюрократизм, и в милитаристский режим Бисмарка. Угрюм-бурчеевщина — гениальное сатирическое обобщение, проглядывающее в XX веке в откровенно фашистском обличье.

К живописной группе глумовских градоначальников в семидесятые годы Салтыков-Щедрин присоединяет помпадуров и помпадурш. Называя российских губернаторов «помпадурами», Салтыков-Щедрин намекал на то, что они получают губернаторские места благодаря протекции какой-нибудь новейшей маркизы де Помпадур.

Помпадур—это крупный сановный администратор. Деятельность его отмечена произволом и глупостью. Русское звучание этого слова походит на колоритное «самодур». Чутье Салтыкова-Щедрина безошибочно угадало, что неожиданное соединение понятий «помпезность» и «дурость» вызовет комический эффект.

Ценою угодничания и долготерпения помпадурьи получали власть и самоуправно пользовались ею. Старые бюрократы начинали явно симпатизировать своим преемникам, как узнавали, что те по-прежнему книгу законов кладут под себя, недоимки собирают с рвением, обывателей секут самолично.

Потрясающе невежественные, до ужаса легкомысленные, абсолютно лишенные сознания гражданского долга, новые молодые помпадуры быстро становятся примерными помпадурами, ибо в совершенстве усваивают то основное требование, которое предъявляет к ним высшая власть,— пресекать «бунты», «тащить и не пущать».

Ряды щедринских героев пополняют «Господа ташкентцы». Первоначально «ташкентские» очерки вызваны были колониальной политикой царской России в Средней Азии. Но они быстро превратились в злую сатиру на исполнителей любых реакционных предначертаний.

ТАШКЕНТЦЫ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО КЛАССА.

(Третья параллель).

„Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам...“.

Щедринский ташкентец — это каратель и усмиритель. Идеал ташкентца — кусок. Его жизненный девиз — «жрать». Во имя этого идеала и под этим девизом ташкентец готов на все, на любое беззаконие и произвол, на любое преступление.

У начальника отделения, статскаго совѣтника Семена Прокофьича Нагорнова, родился сынъ. Это былъ плодъ пятнадцатилѣтней бездѣтной супружеской жизни, и потому естественно, что появленіе его на свѣтъ произвело на родителей впечатлѣніе не совсѣмъ обыкновенное. Миша былъ еще во чревѣ матери, а родители уже устраивали его будущее, спорили о предстоящей ему карьерѣ, и ни одной минуты не сомнѣвались, что у нихъ родится именно сынъ, а не дочь. Анна Михайловна, съ легкомысліемъ женщины, пророчила, что сынъ у нея будетъ военный; напротивъ того, Семенъ Прокофьичъ извѣщалъ надежду, что Мишѣ суждено современемъ сдѣлаться «министерскимъ перомъ».

— Ему, матушка, карьеру надобно дѣлать, а не мостовую гранить, говорилъ будущій отецъ: — а потому, мы отдадимъ его въ такое заведеніе, гдѣ больше чиновъ дадутъ.

Затѣмъ, разсчитавши, что Миша, пойдя по этой дорогѣ, осьмнадцати лѣтъ уже можетъ быть титулярнымъ совѣтникомъ, и что производство изъ коллежскихъ регистраторовъ въ титулярные совѣтники, за выслугу лѣтъ, потребуетъ не менѣе десяти лѣтъ, Нагорновъ прибавлялъ:

— Даже теперь можно уже сказать, что нашъ Михайло Семеновичъ состоитъ на службѣ на правахъ канцелярскаго чиновника, кончившаго курсъ въ уѣздномъ училищѣ!

Нагорновы были люди простые и добрые, и какъ мужъ, такъ и жена принадлежали къ очень почтенному чиновничьему роду. «Мы искони красивыя!» шути говорилъ Семенъ Прокофьичъ, и отнюдь не скорбѣлъ о томъ, что въ ряду его предковъ было ни князя Тарелкина, который былъ знаменитъ тѣмъ, ч

С циклами сатирических очерков «Благонамеренные речи» и «Убежище Монрепо» в семидесятые годы в русскую литературу входит сравнительно недавно народившийся персонаж. Герой этот у Салтыкова-Щедрина предугадывался еще в 1857 году в финальной сцене «Смерти Пазухина», в заключительной реплике одного из главных персонажей — Прокофия Ивановича:

„Теперича я совсем человек стал другой! Теперича я почувствовал, что я со своим капиталом пользу отечеству принести должен... Прочь с дороги!

Потомственный почетный гражданин Прокофий Иванов сын Пазухин идет!”—Основной опорой государственного режима постепенно становится новый хозяин жизни, цепкий наглый хищник—буржуа.

„В последнее время,—писал Салтыков-Щедрин,—русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, то есть новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентщиков, желез-

нодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов. В короткий срок эта... тля успела опутать все наши палестины; в каждом углу она сосет, точит, разоряет и, вдобавок, нахальничает“.

Хаос, развал, оскудение, мертвенная сырость легли на дворянские усадьбы и семьи. Салтыков-Щедрин ставит перед собой сложную задачу: художественно раскрыть внутренний механизм разрушения семьи. В головлевской хронике (первоначально она входила в «Благонамеренные речи») писатель создает образ Иудушки, вошедший в галерею мировых сатирических типов.

Острый ум сатирика отметил одну из самых ярких черт эпохи — тщательно маскируемое противоречие между благонамеренным словом и резко расходившимся с ним грязным, циничным делом. Лицемерные лгуны

„забрасывают вас, — отмечал писатель, — всевозможными „краеугольными камнями“, загромаждают вашу мысль всякими „основами“ и тут же, на ваших глазах, на камни паскудят и на основы плюют“.

Карикатура 1881 года на тему «За рубежом»

— Ответьте мне откровенно. Капотт вы не шп... pardon! не сердцеевец?

— В смысле постоянного занятия — нет, но не скрою от вас, что когда обстоятельства призывают меня, то я всегда застаю себя стоящим на высоте положения.

(Художник придал рассказчику черты Щедрина, а Капотту черты Каткова.)

В образе Иудушки сатирик гениально обозначил бытовое, «индивидуальное» проявление разрушительного пустословия и лицемерного хищничества.

Имение Головлевых богатеет, но накопительство не укрепляет семью, а, наоборот, становится подстрекательской силой в ее распаде, гниении. Безудержное стремление урвать для себя кусок получше, пожирнее—все эти привычки, унаследованные от времен крепостничества и закрепленные в целом ряде поколений уже в виде определенных черт характера, точат род Головлевых, раздирают его в клочья.

С 1878 года, после смерти Некрасова, издание «Отечественных записок» полностью перешло в руки Салтыкова-Щедрина. На страницах «Отечественных записок» в эти годы печатаются Островский, Глеб Успенский, Гаршин, Мамин-Сибиряк и многие другие. В редакционной работе Салтыкову-Щедрина помогают Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

1880

№ 9 СЕНТЯБРЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Въ типографіи А. А. Красоваго (Въ

Издавать «Отечественные записки» с каждым годом становилось труднее, особенно после убийства 1 марта 1881 года народовольцами Александра II. Материалы, приготовленные для очередных номеров журнала,

Щедрин в лесу реакции. Аллегорическая картина Д. Н. Брызгалова и Н. П. Орлова. 1883.

Против течения.
Рисунок М. Чемоданова.

уродовались или запрещались полностью, особенно безжалостна была цензура к произведениям самого редактора.

Вот как изображает он свое настроение в эти тяжелые для него дни. „...Душа у него запечатана... У него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнем своего сердца зажигать сердца других. ...Обмену света и добра пришел конец. ...Разверзлась темная пропасть и поглотила то „единственное“, которое давало жизни смысл...“

Писатель был вынужден искать пристанище на страницах изданий, чуждых ему. Он становится сотрудником журнала «Вестник Европы» и московской газеты «Русские ведомости». В условиях цензурного террора 80-х годов Салтыков-Щедрин вполне оценил эзоповские возможности фантастики. Обращаясь к сатирической аллегории, он пишет свои знаменитые сказки.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ: САНКТУРЪ

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ (острову) 2-й линіи, № 7. Издатель: на Васильевскомъ (острову) 2-й линіи, № 7.

САНКТУРЪ РГБ
1885

Самые смелые и неблагонамеренные мысли умудрялся писатель облекать в иносказательные формы. Сказка превращалась в политическую сатиру. Что ни слово, то новый едкий намек на современные сатирику отечественные дела и нравы. Что ни образ, то новый дерзкий выпад против царствующих орлов, прекраснодушных карасей, умеренно либеральных пескарей. 49

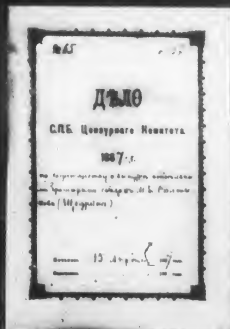

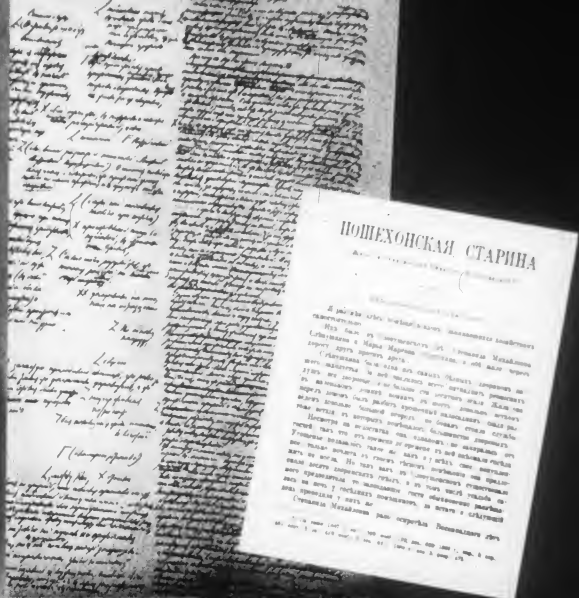
В щедринских «Сказках», как в миниатюре, заключены образы и проблемы всего творчества сатирика. В сказках читатели вновь встречались с известными щедринскими помпадурами, с трусливыми и продажными либералами, скотоподобными крепостниками, из всех сил старающимися уберечь свои былые привилегии, с забившимися в свои норки трепещущими обывателями.

Среди прочих персонажей то и дело появлялись люди из народа, часто забитые, хранящие надежду найти защиту у власти. Иной раз сатирик метил в самые верхи. И тогда сказкам предстояла трудная и очень беспокойная жизнь: о печатании их в России нечего было думать, и щедринские сказки распространялись нелегально, в списках.

[illegible]

Последним крупным произведением Щедрина стала его «Пошехонская старина». Она задумана была как вещь в известном смысле мемуарная. Но в ходе работы (1887—89 гг.) первоначальный план изменился. Салтыков, по его собственному признанию, перемешал здесь свое с чужим и в то же время дал место вымыслу.

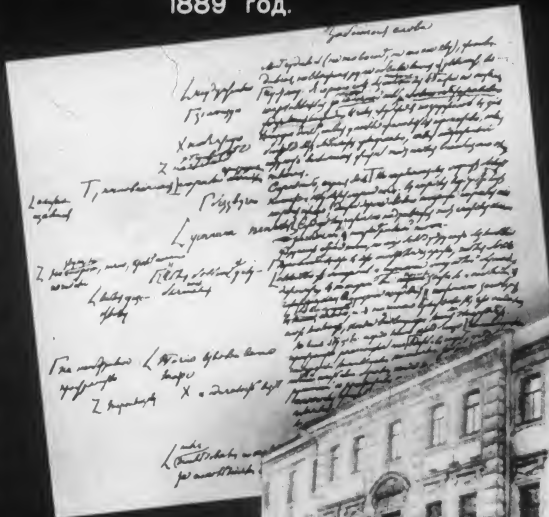
Это не было просто путешествие в крепостническое прошлое. Пошехонье — не отжившая свой век старина. Оно по-прежнему властно давило на человека, уродуя и «хозяев» и народ. «Доброе старое время» представлено помещичьей семьей Затрапезных и другими жестокими душевладельцами, истязателями, благодушными бездельниками, прожигателями жизни.

Автор «Пошехонской старины» не искал исключительных драматических ситуаций. Он увидел трагизм, казалось бы, в нормальном, в буднях, в мелочах жизни, в ее обыденном течении. „Какие потрясающие драмы,— писал сатирик,— могут выплыть на поверхность из омута мелочей, которые настолько переполняют жизненную обыденность, что ни сердце, ни ум, в минуту свершения, не трогаются ими“.

„Забытые слова“.
Последняя рукопись.
1889 год.

В конце жизни Салтыков-Щедрин обдумывал тему «забытых слов». Он как-то замечает Н. К. Михайловскому: „Были, знаете, слова: ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать! Надо же напомнить...“ Но осуществить свой замысел он не успевает. Смерть прерывает работу на первой странице. 28 апреля (10 мая) 1889 года Салтыкова-Щедрина не стало.

Дом
на Литейном
проспекте,
где жил и умер
писатель.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗОРЕНИЕ.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Я въ Петербургѣ.
Зачѣмъ я въ Петербургѣ? по какому случаю? — Этого
са, по врожденной провинціальной привычке
разу не...

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

ЗА РУБЕЖЕМЪ.

БЛАГОНАМЪБРЕННЫЯ РЪЧІИ

Въ томъ числѣ: съ съ вами
Писанъ, иже думалъ.
Писанъ.

Троюкратный провинціальный свистъ возвѣщаетъ насъ
о приближеніи парохода къ пристани. Публика первого
рого класса высыпасть изъ каютъ на палубу; мужи
стятъ на плавательныя на плечи мѣшки. Жаркій июльскій
день; на небѣ ян облака; рѣка сверкаетъ. Пять-шесть
мѣстъ большое торговое село П., все залитое въ лучахъ
на зѣвнѣ солнца.

Но лодь и пристани. Пароходъ постепенно убавляетъ
кочущія колеса его поворачиваются медленнѣе и медленнѣе
мала стоять на готовѣ, съ причалами въ рукахъ. Еще
взмаха — пароходъ дрогнулъ и остановился. Въ числѣ
пассажировъ, спсавшихся въ П. и я, въ ожиданіи гоша
дальнѣйшаго путешествія.

Прежде, когда все было просто, я мѣлъ быль
стал. Устройство ея какъ бы говорило пассажирамъ:
мѣстъ лодь на кругу, вѣнчикъ лодки...

За семь лет до смерти Салтыков-Щедрин написал Тургеневу письмо, в котором несколько пессимистически расценивал итоги своей жизни и литературной деятельности.

56

На дняхъ имѣть быть отпечатанъ
продажу во всѣхъ книжныхъ ма-

ПРИЗНАКИ ВРЕ

ПИСЬМА О ПРО

М. САЛТЫКОВА (ЩЕД)

СОДЕРЖАНИЕ. Завѣщаніе новыя дѣтства.
Литературное положеніе. — Легковѣснѣе. —
Лодь. — Картошки кошь, картошки роча
Русскіе гулящіе люди за границей. — П
балета. — Хвощани. — Семь писемъ изъ

Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкой. Книго
уступка 20%.

Смѣль изданія у книгопродавца С. В.
словъ проснѣтъ, противъ Авичкова двора

Изгородино могутъ, до 1-го июня нас
мѣтъ въ автору, М. Е. Салтыкову, бисм
сѣдующему адресу: въ С.-Петербургѣ, на
домъ Страхова, № 33.

НОВЫЯ КНИГИ:

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ.

Соч. М. Е. Салтыкова Щедринъ

1 т. Цѣна 24-хъ листовъ. 10 к. съ пересылкой. 2 р. 50 к.

КРУГЛЫЙ ГОДЪ.

Соч. ея же. 1 т. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой. 1 р. 50 к.

ТОЖЕ ЖЕ АВТОРА:

УБѢЖИЩЕ МОНРЕПО.

1 т. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА.

1 т. Цѣна 1 р. съ пересылкой. 1 р. 25 к.

БЛАГОНАМЪБРЕННЫЯ РЪЧІИ.

2 т. Цѣна 3 р. съ пересылкой. 3 р. 50 к.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ.

1 т. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой. 2 р.

Продаются во всѣхъ книжныхъ ма-
газинахъ.

У автора не продаются.

В ответ И. С. Тургенев писал: „Кто возбуждает ненависть, — тот возбуждает и любовь. Будь Вы просто потомственный дворянин М. Е. Салтыков — ничего бы этого не было. Но Вы, Салтыков-Щедрин, писатель, которому суждено было провести глубокий след в нашей литературе, вот Вас и ненавидят — и любят, смотря кто. И в этом „результат Вашей жизни“, о котором Вы говорите, — и Вы можете быть им довольны“.

К О Н Е Ц

Автор Г. ДУРМАН

Художник-оформитель Н. СТЕПАНОВ

Редактор Р. СИМОНОВА

Студия „Диафильм“, 1972 г.

Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7

Д-183-72 ТООО22

Черно-белый 0-20